

Interview c Eduardom Scheverdnadze (26 iunia 1990)

Source: Pravda. 26.06.1990, n° 177. Moskva. "Interview c Eduardom Scheverdnadze (26 iunia 1990)".

Copyright: All rights of reproduction, public communication, adaptation, distribution or dissemination via Internet, internal network or any other means are strictly reserved in all countries.

The documents available on this Web site are the exclusive property of their authors or right holders.

Requests for authorisation are to be addressed to the authors or right holders concerned.

Further information may be obtained by referring to the legal notice and the terms and conditions of use regarding this site.

URL: http://www.cvce.eu/obj/interview_c_eduardom_scheverdnadze_26_iunia_1990-ru-680cef25-e267-420a-9bce-432704074e20.html

Last updated: 03/07/2015

Слово перед XXVIII съездов О внешней политике

Из редакции газеты «Правда» я получил просьбу ответить на следующие вопросы:

- 1. Читатели «Правды» в своих письмах все чаще выражают озабоченность по поводу наших уступок Западу. Как вы к этому относитесь?**
- 2. Какой урок можем мы извлечь из революционных событий, изменивших облик стран Восточной Европы?**
- 3. Читатели «Правды» спрашивают: есть ли будущее у Организации Варшавского Договора? Как станет трансформироваться ее деятельность в новых условиях?**
- 4. Не ставят ли под сомнение вопрос об успешном строительстве общего европейского дома такие события, как объединение Германии и ее планируемое вхождение в блок НАТО? Как, по вашему мнению, перемены в Европе будут влиять на хельсинкский процесс, в том числе на проблему нерушимости послевоенных границ?**
- 5. Не преувеличиваем ли мы значение советско-американских отношений, не преуменьшаем ли отношения с «третьим миром»? Как сочетается решение глобальных и региональных проблем?**
- 6. Можно ли говорить об успехах деидеологизации международных отношений?**
- 7. В средствах массовой информации нашей страны появлялись критические высказывания о том, что в посольствах подчас зря расходуется валюта, которой у нас и так немного. Согласны ли вы с этой точкой зрения?**
- 8. Какие изменения в МИДе после вашего прихода туда вы могли бы назвать определяющими?**
- 9. Начали ли вы писать свои мемуары?»**

Как видите, они разные. Большинство затрагивает крупные вопросы политики, я бы сказал, ее основу, философию, другие — частности. Поэтому мне и кажется, что будет логичнее и оправданнее попытаться дать более развернутый ответ на главный интерес читателя — правильно ли мы действуем во внешней политике. Выбирая такую форму разговора, я не собираюсь уйти от каких-то «неудобных» вопросов — по ним также выскажусь, но как бы «на полях» размышлений о политике.

Хотел бы начать с некоторых общих замечаний.

В принципе в любом государстве внешняя политика больше, чем какая-то другая сфера, сохраняет, как правило, высокую степень последовательности, преемственности в своих целях, в общей направленности. Но на каждом своем этапе она не только дает иное, современное прочтение своей миссии, но и обогащается новыми идеями и взглядами крупного масштаба, расширяет свой профессиональный инструментарий — непрерывный процесс. Качество политики определяется тем, насколько она ориентирована на прогресс, восприимчива к зарождающимся тенденциям общественного развития, реалистична и отвечает потребностям государства, общецивилизационным интересам.

Вместе с тем внешняя политика — достаточно «инерционная» система. Ее не так просто изменить. Не только потому, что в ее осуществлении принимают участие десятки ведомств и организаций, тысячи профессиональных политиков, парламентариев, дипломатов и специалистов. Важнейшим фактором здесь выступают и позиции других государств. Можно выдвинуть свежие идеи, сформулировать любые принципы нового мышления, но все останется пустыми словами, если не

встретит отклика и поддержки международного сообщества. Любая страна — даже самая большая и мощная — далеко не все может сделать. Ей просто не дадут вести себя на международной арене так, как она захочет.

Внешняя политика жизнеспособна тогда, когда она опирается на право, на убеждение, на совместимые интересы и цели, на сотрудничество и взаимодействие. Силовая политика как часть дипломатии или в ее чистом виде всегда в конечном счете приводила государства к политическому банкротству или катастрофам. Погибли великие империи и процветают государства, не имеющие по существу вооруженных сил.

Внешняя политика может дать только то, что она может дать. Если вернуться к 1917 году, то тогда многие предъявляли претензии внешнеполитическим ведомствам и Англии, и Франции, и Соединенных Штатов, возмущенно спрашивали: как и почему допустили революцию в России? А как не вспомнить шумные и злобные поиски в США тех, «кто потерял Китай» в 1949 году? Тогда выступлением в Западной Вирджинии начались феерическая карьера Маккарти и черный период маккартизма в американской истории. Маккарти назвал фамилии тех сотрудников госдепартамента, которые ослабили США в борьбе с мировым коммунизмом. Как ни странно в последнее время и у нас появились подобные обвинители. Складывается впечатление, что кое-кто из них хотел бы провести расследование с пристрастием дела о том, «кто потерял Восточную Европу?»

Мне больно и горько видеть, что находятся люди, из рассуждений которых получается, что Советская Армия не освободила некоторые страны Европы, а чуть ли не захватила их в качестве военных трофеев. Допускаются шовинистические заявления, оскорбляющие достоинство суверенных государств.

Я считаю своим нравственным долгом извиниться перед народами государств Восточной Европы за подобные оскорбительные и недопустимые выходки некоторых моих соотечественников.

Нужно принять как аксиому, что очень многие вещи не решаются средствами дипломатии. Точно так же, как они не могут быть решены и с помощью силы. Внешняя политика, как и политика внутренняя, не может защитить дело, которое в принципе незащитимо, которое противоречит общечеловеческим представлениям о равенстве, свободе, народовластии, демократии, идет против естественного хода истории.

Политика, основанная на идеологии, пронизанная идеологией, может быть состоятельной в том случае, если в основе этой идеологии заложены принципы добра, справедливости, гуманизма, духовности. Проповедь же идеологического сектантства, нетерпимости никогда не давала ничего хорошего. Общество не последует ни за аскетом-отшельником, ни за юродивым, пусть и высказывающим правду о состоянии этого общества. Когда мы говорим о деидеологизации межгосударственных отношений, то имеем в виду необходимость освободить их от деформированной идеологии, от идеологического экстремизма.

Это отступление понадобилось мне, чтобы сказать, как в контексте нового политического мышления видятся рамки возможного, реального и разумного во внешней политике.

Маятник общественного мнения, по крайней мере его определенной части, колеблется у нас между двумя противоположными точками: ранее все было хорошо или все было плохо. Не собираюсь вступать в дискуссию на эту тему. Хочу только сказать, что в оценках прошлого надо проявлять не меньше ответственности, чем при выборе пути на будущее.

«Есть ли будущее у Организации Варшавского Договора?» — спрашивают меня. Давайте вспомним историю. Он ведь не всегда существовал. Появился в 1955 году. Напомню, что НАТО была создана в 1949 году. Значит, были времена, когда мы жили и без НАТО, и без Варшавского Договора? Как всякое соглашение, Варшавский Договор не вечен, заключен на конкретный срок. Он возник в определенных исторических условиях и функционировал долгие годы «холодной войны» в атмосфере резкого военного и идеологического противостояния. Беда в том, что наша организация

оказалась маловосприимчивой к переменам, не всегда шла в ногу со временем, не модернизировалась, не совершенствовала свои военные и политические структуры. Все это, конечно, не могло не сказаться сейчас, в принципиально иной обстановке.

Тем не менее Варшавский Договор жил и будет жить до тех пор, пока он отвечает реальным нуждам входящих в него стран. На недавнем совещании в Москве Политического консультативного комитета была принята декларация, в которой обозначены согласованные направления глубокой трансформации нашего союза, его доктрины, стратегии, целей, организации всей деятельности. Создана комиссия, которая займется разработкой соответствующих рекомендаций.

И в случае с Варшавским Договором, и в случае «революционных событий, изменивших облик стран Восточной Европы», урок для нас может быть одинаковым: прочно и жизненно то, что стоит на свободной воле народов и государств.

Что можно ответить тем, кто задает вопросы: почему допустили перемены в Восточной Европе, почему согласились вывести свои войска? А подтекст у них, видимо, такой: почему не использовали танки для «наведения порядка»?

Неужели можно всерьез полагать, что такое возможно, что подобным путем можно решить проблему? Неужели мы ничему не научились, не запомнили уроков Афганистана, если уже позабыли 1956 и 1968 годы? Может быть, нам хватит похоронок и инвалидов-интернационалистов?

Но ведь вновь и вновь появляются выступления, публикации, в которых именно с таким подтекстом критикуется наша «восточноевропейская политика». Несомненно, что-то мы делаем во внешней политике не самым лучшим образом, что-то — совсем плохо. Но если человек берется за серьезную критику, то она не должна останавливаться на вопросе: почему не пресекли? Нужно тогда договаривать все до конца. А конец-то очень часто выводит, помимо моральных и правовых аспектов, на резкое обострение отношений с другими странами, на конфликты и даже на войну. Всякий, кто выступает адвокатом силовой политики, должен, на мой взгляд, обращаться не в государственные органы, а к тем ребятам, которые пойдут в боевое патрулирование, к их матерям, к народу, который окажется втянутым в войну.

Пора было бы понять, что ни социализм, ни дружба, ни доброе соседство, ни уважение не могут стоять на штыках, танках, крови. Отношения с любой страной надо строить на учете взаимных интересов, на обоюдной выгоде, на принципе свободы выбора. Именно так мы стали вести дела, и благодаря этому в мире произошли гигантские перемены к лучшему. Да, возникли и проблемы, но могло кончиться трагедией, если бы перемены задержались.

Сейчас кое-кто пытается представить дело так, будто вопрос о выводе войск из Венгрии, ЧСФР, Польши, Монголии, ГДР решался за спиной военных. Неверно. На всех переговорах главными действующими лицами были военные товарищи. Вопросы обсуждались коллегиально и так же решались.

Другой вопрос, что были плохо проработаны социальные аспекты сокращений. Забыли о военнослужащем как человеке, о его нуждах, о его семье, детях. Это — крупный просчет, который надо срочно исправить.

Видимо, есть необходимость разобраться в ситуации, связанной с общеевропейским процессом.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе был подписан в 1975 году. Вскоре после того, как я стал министром, мне пришлось участвовать в мероприятиях, проводившихся по поводу десятой годовщины его принятия.

Уже тогда было видно, что хельсинкский процесс затухает. Стало ясно и то, что в центр процесса надо положить идею смягчения и эвентуального преодоления раскола Европы, уменьшения военного

противостоянии, налаживания сотрудничества между 35 государствами в области безопасности и в других сферах. Отсюда родилось предложение о строительстве общеевропейского дома. Оно было изложено М. С. Горбачевым во время его первого визита в Париж осенью 1985 года. Могу даже сказать, что это была одна из опережающих свое время крупных политических идей. Она исходила из предвидения перемен в Европе, из понимания того, что европейская безопасность должна строиться на коллективной основе.

Заключительный акт закрепил принцип нерушимости границ в Европе. Именно в силу этого вопрос о границах будущей объединенной Германии не представляет сейчас особой проблемы ни для четырех великих держав, ни для Польши, ни для Германии, ни для кого-то еще.

Да, перспектива объединения Германии всколыхнула память, насторожила многих не только в нашей стране. Но попробуем подойти к этому вопросу с другой стороны. Сколько мог бы сохраняться раскол Германии? Еще годы, десятилетия, вечность? Сколько нашим солдатам нести стражу на Эльбе — годы, десятилетия, вечность?

Если даже не брать в расчет нравственные факторы, то где больше риска — в сохранении разъединенной великой нации, которая неизбежно будет стремиться к воссоединению, или в ее объединении в контексте общеевропейского урегулирования? На мой взгляд, только второй путь ведет к миру и стабильности. Вопрос, таким образом, стоит о качестве и надежности того международно-правового урегулирования, которое будет достигнуто в связи со строительством немецкого единства. Проблема не в том, что имеете двух государств будет одно, а в том, чтобы с германской земли никогда больше не исходила угроза миру и чтобы при этом были учтены законные интересы других европейских стран.

И сразу опасение — а как быть с планируемым вхождением Германии в НАТО? Тут нужно кое-что уточнить. Во-первых, ФРГ уже давно является членом НАТО. Речь, значит, может идти лишь об увеличении потенциала НАТО за счет ГДР, когда и если последняя станет составной частью Германии. Я далек от намерения сказать, что возможное расширение НАТО не должно нас беспокоить. Нам совсем безразлично, каким будет будущий военно-политический статус Германии. Но этот вопрос будет, наверное, смотреться по-разному в зависимости от тех изменений, которые будут происходить в Европе. А эти изменения — и на этот счет имеется широкое международное согласие — пойдут по следующим направлениям.

— Строительство немецкого единства должно сопровождаться общим и существенным понижением до уровня оборонной достаточности войск и вооружений в Европе, включая сокращение и военного арсенала Германии.

— Параллельно будет идти институционализация хельсинкского процесса. В нашем представлении речь идет о регулярных встречах на высшем уровне и встречах министров иностранных дел, о политических консультациях на уровне послов, об учреждении секретариата СБСЕ, о создании центра по обмену информацией о деятельности в военной области и центра по разрешению конфликтов.

— Необходимо не только осуществить трансформацию блоков в политические по преимуществу союзы, но и договориться об определенных принципах взаимоотношений между ними и входящими в них государствами. Лучший вариант — принять политически обязывающую декларацию о намерениях в отношении друг друга.

Очень многое будет зависеть от того, какие решения будут одобрены на июльской сессии совета НАТО в Лондоне. Можно без преувеличения сказать, что выбор, сделанный там, будет иметь далеко идущие последствия и для Германии, и для всей Европы.

Разумеется, пересмотр политических установок, доктрины, стратегии потребует времени, его реализация также произойдет не сразу. Поэтому нужно будет прежде всего условиться о переходном

периоде, в рамках которого не происходило бы существенных военно-стратегических перемен на территории ГДР и, в частности, сохранялось бы присутствие контингента советских войск.

Говорю об узловых моментах будущего урегулирования внешних аспектов немецкого единства. Разумеется, оно будет включать много других элементов. Я уверен, что в рамках механизма «2 – 4» мы сможем прийти к договоренностям, которые должным образом учтут законные интересы всех сторон. Сейчас я бы только хотел попросить читателей не смотреть на положение как одномерное и статичное. Единая Германия станет существовать в ситуации, которая будит значительно, в том числе но военно-стратегическим параметрам, отличаться от той, что была вчера или есть сегодня.

Мы уверены и в том, что между объединенной Германией и СССР сложатся тесные политические и экономические отношения, что мы сможем сотрудничать и взаимодействовать в интересах будущего Европы и мира.

Мы много говорим о стабильности в Европе и в мире. И я думаю, что все мы понимаем, как много тут связано с нашими «домашними» делами, с состоянием нашей экономики, со здоровой политической и духовной атмосферой у нас, с успехом нашей перестройки. Сильный, стабильный Советский Союз — необходимый элемент европейского и мирового баланса, гарантирующего мир всем.

Меня, честно скажу, всегда удивляли претензии к советской дипломатии за то, что она якобы «преувеличивает значение советско-американских отношений и преуменьшает отношения с другими странами».

Отношения с США были и останутся для нас центральными. По-другому быть просто не может. Ибо только США обладают способностями уничтожить СССР, и только мы можем ответить им тем же. Столкновение между нами — глобальная катастрофа. Как не уделять первостепенное внимание советско-американским отношениям!

Не по прихоти, а из чувства ответственности мы ведем различные переговоры с американскими партнерами, разрабатываем и заключаем соглашения и договоры, строим действительно новые отношения с этой великой державой. Постоянный диалог, встречи на высшем уровне, контакты министров — обязательное условие выживания мира и укрепления международной стабильности. Это — в интересах всех стран: больших и малых, развитых и развивающихся.

Я не могу принять упрека, что советская дипломатия «забывает» о «третьем мире». В последние годы мы и по объемам, и по качеству подняли наши связи с развивающимися странами. С десятком государств установили или повысили уровень дипломатических отношений. Как много лидеров «третьего мира» побывали за годы перестройки в Москве! Мы нанесли визиты в десятки стран, где ранее ни разу не был какой-либо советский представитель высокого ранга.

В то же время мы не удовлетворены тем, как складываются наши отношения с развивающимися странами. Не столько в политической, сколько в экономической, культурной, научно-технической и других областях. Нас тут здорово лимитируют состояние советской экономики, структуры внешнеэкономических связей.

«Третий мир» — это и проблема региональных конфликтов, и решение таких глобальных болевых точек, как экология, стратегия развития, финансовая задолженность, распространение передовых мирных технологий и предотвращение распространения технологий, способствующих созданию ядерного, химического, ракетного и другого оружия. Тут все взаимосвязано, и справиться со всем этим можно, если мы будем не делить мир на категории, а подходить к нему как единому целому.

Я рад, что мне задали вопрос, не слишком ли много мы «уступаем Западу». Рад потому, что давно хотел высказаться по поводу подобных претензий. Я допускаю, что читатели ставят этот вопрос, исходя из добрых побуждений. Но я хотел бы ответить и тем, кто непосредственно отвечает за

безопасность страны, кто дает добро на те варианты, которые мы вырабатываем на переговорах, а затем в печати критикует советскую внешнюю политику за «непонятную уступчивость». Я хотел бы ответить на некоторые публикации типа статьи в газете «Рабочая трибуна» под заголовком «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Мы всегда исходили из того, что переговоры о сокращении вооружений совершенно необходимы для безопасности страны, так же, как и мира. Скажу прямо, ограничения нужны не только нам, но нам в мерную очередь, поскольку наши партнеры с их более мощными экономиками, лучшей наукой, здоровыми финансами и более высоким уровнем жизни способны легче выдержать «открытую» гонку вооружений. Для меня это аксиома. Полагаться ни мудрость «голь на выдумки хитра» я бы тут не стал.

Обменять три ракеты СС-20 на один «Першинг-2» выгодно и, я бы сказал, дешево. «Першинг» уверенно попал бы в наш Генеральный штаб, а СС-20 до их Пентагона и долететь не могла. Разве это не знают те «специалисты», которые продолжают сравнивать количественные параметры Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности?

Иногда претензии предъявляются по неведению. На этих днях на съезде Компартии РСФСР один товарищ заявил, что я в речи в Копенгагене якобы самовольно объявил о выводе из Центральной Европы советских тактических ракет. Обиды у меня на него нет, ибо он едва ли знал, что я говорил на основании документа, подписанного министром обороны и начальником Генерального штаба. Эта позиция была разработана для переговоров на советско-американской встрече в верхах.

Поясню и механику переговоров по вопросам разоружения. Делегации на них комплектуются заинтересованными ведомствами на паритетных началах. В переговорах участвуют и генералы, и полковники, и другие офицеры, а также представители военной промышленности. Центр согласования позиции, выработки директив находится — открою этот секрет — в Генеральном штабе. В собирающейся там группе МИД имеет одно место и никаких шансов «навязать» свое мнение. Рекомендации этой группы представляются политическому руководству, докладываются при необходимости Президенту страны. Этим я хочу подчеркнуть, что все решения тщательно прорабатываются и позиции формируются на базе согласия.

Вроде бы мы вступили в эру гласности. Гласно критикуют дипломатов за «уступки», чаще всего неназываемые, за причиненный якобы ущерб «безопасности» страны. Не пора ли и о безопасности говорить более открыто? Советские налогоплательщики имеют право знать, какую «безопасность» они получают за свои деньги. Чтобы квалифицированно судить об «уступках», люди должны знать сравнительные характеристики соответствующих систем, их надежность, иметь информацию о военных программах, их стоимости.

Можно только приветствовать то, что оборонная промышленность взялась помочь стране выжить, поправить экономику, налаживает выпуск гражданской продукции. Но надо говорить и о проблемах. Почему, например, молчат те, кто вроде бы укреплял безопасность страны, поставив на поток производство химического оружия и продолжая его выпускать, когда уже никто в мире этим не занимался? Теперь мы либо отработаем технологию и истратим по крайней мере три миллиарда рублей, чтобы уничтожить это оружие, либо отравляющие вещества превратят целые регионы в мертвую землю.

Некоторые товарищи, похоже, до сих пор не верят, что политика государства действительно состоит в том, чтобы на взаимной основе ликвидировать ядерное и химическое оружие, сократить войска и вооружения, руководствоваться принципами достаточности и ненаступательной обороны.

Люди, когда они будут знать, выскажут свое мнение к дипломатам и военным по поводу того, где надо стоять твердо, а где можно идти на компромиссы. Я бы приветствовал, если бы читателям «Рабочей трибуны» сказали, сколько сыра можно было бы купить на те деньги, которые пошли на создание ненужной, устаревшей военной техники.

И я бы хотел еще раз подчеркнуть, что все решения по вопросам внешней политики принимаются не кем-то одним, кто склонен к уступкам, а вырабатываются представителями многих ведомств. В целом же я считаю нормальным то, что мы ведем споры. Это только принесет пользу стране и ее обороне.

Теперь позвольте отреагировать на некоторые частные вопросы.

Мы старались, чтобы дипломатическая служба стала более профессиональной, компетентной, смелой, открытой и демократичной. Чтобы она отвечала требованиям перестройки, помогала бы ей. Что-то получилось, что-то не совсем. Я не могу сказать, что удовлетворен достигнутым.

Что касается мемуаров, то у меня нет даже планов в этом направлении. Да и некогда, честно говоря, об этом думать. Хотя вспомнить у меня, конечно, есть что. Так получилось, что пришлось работать министром в интереснейшее время, без преувеличения, в переломный период мировой политики. Довелось быть свидетелем, а зачастую и участником крупнейших событий.

Больше всего я рад тому, что нам удалось подписать Женевские соглашения и вернуть наших парней с войны из Афганистана без ущерба для достоинства и престижа страны, сохранив Афганистан как друга и доброго соседа.